

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СНЫ И НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КЕНЕНИМ В ЭПОСЕ «МАНАС»

Научная статья

Нусубалиева Г.Б.¹, Каниметов Э.Ж.^{2,*}

^{1,2} Кыргызский государственный университет имени И.Арабаева, Бишкек, Киргизия

* Корреспондирующий автор (kanimetov[at]mail.ru)

Аннотация

В статье язык снов и героические образы кыргызского фольклора рассматриваются как средство фиксации этнического мировоззрения, как система кодирования и трансляции культурно-символической информации. Обращение к фольклору позволяет рассмотреть взаимодействие этноса и культуры и, тем самым, реконструировать традиционное видение мира народом, его эмоционально-оценочную характеристику действительности и систему ценностей. В статье рассматривается перспектива наиболее эффективного изучения «МАНАС» через интерпретацию использованных в эпосе символических снов и народно-поэтических образов. Подчеркивается, что феномены смерти и жизни в эпосе рассматриваются в контексте сакральной символической обратимости.

Ключевые слова: фольклор, вещий сон, героизм, жизнь, смерть, избранный.

SYMBOLIC DREAMS AND FOLK POETIC IMAGE OF KENENIM IN THE EPIC OF MANAS

Research article

Nusubalieva G.B.¹, Kanimetov E.Zh.^{2,*}

^{1,2} Arabaev Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyz Republic

* Corresponding author (kanimetov[at]mail.ru)

Abstract

The article studies the language of dreams and heroic images of the Kyrgyz folklore as a means of fixing the ethnic worldview as a system for encoding and transmitting cultural and symbolic information. Appealing to folklore allows considering the interaction of ethnos and culture and, thereby, reconstruct the traditional world vision of the people, its emotional and evaluative characterization of reality and the system of values. The article discusses the prospect of the most efficient study of "Manas" through the interpretation of the symbolic dreams used in the epic and the folk-poetic images. It is emphasized that the phenomena of death and life in the epic are viewed in the context of the sacred symbolic reversibility.

Keywords: folklore, prophetic dream, heroism, life, death, the chosen one.

От Аристотеля до середины XX века в рассуждениях филологов, психологов и философов сновидение рассматривалось как реальный процесс в сознании спящего, почти что, аналогичным процессам в сознании бодрствующего. В современный период западных антропологов и фольклористов больше интересует толкования и «рассказывания снов» (dreamtelling). Кыргызская фольклористика обратилась к изучению сведений о снах в народных эпических произведениях сравнительно совсем недавно, начиная с работы Мелиса Убукеева [1].

М.Убукеев в своей работе привел небольшой пример из эпоса «Манас». Главная героиня эпоса супруга Манаса Каныкей перед гибелью героев воинов Манаса видит вещий сон: «Нынче приснился мне скверный сон, Плохие дела творились во сне: "Я увидела человеческую голову, притороченную к седлу. Я увидела сосуд-кокоар, полный слез. Я увидела пожар вдоль Таласа. Я увидела красную суку о сорока сосках, которая скулила не замолкая и обнюхивала все вокруг. Я увидела широкорогого козла, который блял на луну. Я увидела, как короткошей сивый бык заревел из-под воды...»[1. С. 215]. Данный эпизод, который был приведен выше в качестве примера, сначала М.Убукеевым рассматривается, как образец чистейшего сюрреализма. С его точки зрения, кыргызский фольклор вообрал в себя все направление стилистического и жанрового разнообразия. Далее, он полагает, что «Манас» содержит два пласта информации. Первоначальный слой - поверхностный, который легко воспринимается обыденным сознанием. Этот слой почти все люди может понять и воспринимать, а также существует внутренний, параллельный слой, который остается неосознанным, а потому является зашифрованным, непознаваемым. Мир «Манаса», с точки зрения М.Убукеева, является загадочным и таинственным. Простыми толкованиями и посредством методов обыденного сознания или материалистической науки нельзя раскрыть зашифрованный, магический и сакральный мир Манаса. Согласно, М.Убукееву, приоткрыть эту завесу таинственности «Манаса» по настоящему пока что никому не удастся [1. С. 215].

По мнению М.Убукеева, этот не осознанный слой можно раскрыть посредством глубокого научного знания семантики «Манаса» и восприятием-знанием сакрального мира эпоса на уровне Манасчы, т.е. певцов-сказителей эпоса «Манас». Далее он проясняет свою мысль ответом на растолкования сна Каныкей одним из читателей журнала «Литературный Кыргызстан». М.Убукеев в свое время кыргызском литературно-художественном альманахе «Литературный Кыргызстан» опубликовал выше приведенный отрывок сна супруги Манаса Каныкей и получил письмо от врача-невропатолога. Тот пишет: «Уважаемый Мелис Убукеев! Приведенный же сон Каныкей Вами оценивается как сюрреалистический. Однако, в последние годы нам стал доступен ключ к расшифровке подобных темных текстов - это психоанализ. Уже при первом знакомстве с упомянутым сном Каныкей, он представляется довольно прозрачным. Наполненный слезами сосуд - характерный сексуальный символ. Человеческая голова (явно не Манаса) на хвосте коня означает победу в бою. Широкогогий козел, бляющий на луну, означает тоску мужчины или

мужчин по оставленным дома женщинам. (Здесь сразу же появляется не вполне по-русски благозвучная цепь ассоциации: козел-вожак - Манас). Пожар вдоль Таласа означает тоску женщин. Красная сука о 40 сосцах, которая скулит и обнюхивает все вокруг - то же самое. Число 40 не может быть случайным: кырык - кырык огуз - кыргыз. Значит, это животное - изображение всех кыргызских женщин и (или) изображение Умай. Может быть, это не собака, а волчица? Короткорогий сивый бык, ревуший из-под воды, означает беременность или роды... Возможно также, что бык - БУКА как-то связан с этнонимом БУГУ. Толкование сновидения Каныкей (т. е. расшифровка ее выраженного сновидением желанием) таково: «Армии кыргыз под предводительством Манаса ушли в поход. Они подвергаются опасности; тоскуют по оставшимся дома женщинам, как и те - по ним. Ко мне же вернулся победитель - супруг. Я беременна и должна родить сына (или уже родила). Как видите, ничего загадочного. С уважением - Михаил Шашков» [1 С.275].

М.Убукеев убежден, что весь эпос сплетен из множества сложнейших и тончайших метафор и символов, с невидимым миром духовно-онтологического опыта многовековой жизни этноса. Скорее всего, они уже никогда не обретут для нас своего первоначального смысла. Тем более очевидно, что большинство аспектов этнокультуры, извлеченные из контекста минувших времен, превращаются со временем в знаки, символы, нуждающиеся в дешифровке.

Мы согласны с мнением М.Убукеева, что кажущаяся для обыденного сознания простота "Манаса", как и предыдущий вариант толкования сна Каныкей, обманчива. Ведь изображение снов в любой форме искусства существует не само по себе. Оно посредством системы художественных средств включено определенные контексты. Поэтому, понять особенности, связанные с изображением и смыслом даже одного сновидения, можно лишь с учетом контекстной ситуации. Так, например, сон Каныкей, в контексте самого эпоса, традиционными слушателями манасчы воспринимается как предвещание катастрофы. Для них сон воспринимается как предчувствие того, что случилось что-то нечто непоправимое. Для них, это предчувствие не только о гибели великих воинов Манаса и предстоящей его смерти, это также предвестник о гибели целого мироустройства.

Сны имеются почти во всех крупных кыргызских эпических произведениях. Рождение самого Манаса также сопровождается вещими снами его отца Жакыпа и матери Чыйырды. Они воспринимаются как особые предвестия о том, что рождается великий герой. Основными мотивами таких снов эпических произведений являются мотив смерти и жизни и др. По мере эволюции эпоса суть и количество этих мотивов оставалось неизменным, неизменно усложнялась семантика.

Характерной чертой снов кыргызских эпических произведений являются также то, что смысл большинство снов как и предыдущий сон Каныкей, создан не с помощью слов-указаний, а с помощью образов.

Одним из самых знаменательных событий в кыргызском фольклоре -вещий сон Сейтека о рождении Кененим - также сопровождается образом Манаса и меча. В завершающей части третьей книги трилогии эпопеи «Манас» в эпосе «Сейтек» рождается сын Сейтека - Кенен. Рождение его было таинственным. Сейтек однажды ночью увидел вещий сон. Свой сон он рассказывает дяде Акжолтою: «Отец Манас (дед) сам предвиделся. Он приходил в критическое время, оказывая поддержку, опору. “Не обижай народ, сынок, не выставляй себя великим, не оскорбляй убогих, сирот и бедных людей”, - так отец наставлял. Потом отдал мне меч Зулпукур. «Если возьмешь этот меч в руки, противник падет ниц. Это могущественный особый меч. Как взмахнешь этим мечом, так лезвие краснеет у Зулпукура. Храни его. Вложи меч в ножны. Пусть все невзгоды оставят вас в жизни. Такой сын родится, наконец, назовите его Кенен. Если сбережешь, сохранишь меч, он будет храбрым смельчаком. Оомийин (Аминь)!”», - сказал раскрыв ладони. Вместе с ним подняли руки сзади восемьдесят человек, спереди четыре человек - Алмамбет, Чубак, Кошой, Бакай. Они все подняли руки и благословили” [2.С. 312]. Потом просит аксакала Акжолтоя растолковать свой сон.

Акжолтой объясняет: «Да будет так, как я скажу. Если отец эр Манас дает меч Зулпукур, то рождается мальчик, и он будет истинным героем всех времен. Если святой отец Кошой дал благословение и назвал его Кененом, то он будет бесстрашным и самым могущественным сыном великих людей. Он будет на столько могущественным, что превосходит всех своей силой и отвагой ” [2.С. 315]. “Пусть этот сон сбудется, даст святую силу. Пусть родиться необыкновенный герой, который принесет с собой мир, благополучие всему народу. Да здравствует Кенен!», - с такими словами все бурно благословляют его [2.С. 316].

Для кыргызов такие вещие сны предвещали добро и радости, ожидавшие народ впереди, подготавливая его к рождению исключительного бесстрашного героя, предводителя, который будет бороться за справедливость, свободу. Такому знаменательному событию своеобразно реагирует природа (лились селевые потоки, земля дрожала, днем и ночью шел дождь). Природа дает знак, вселенная ожидает. Вещие сны читали. Чтобы объяснить такие вещие сны специально звали аксакалов, мудрецов и бакшы, которых почтили, угощали и просили всё разъяснить.

В эпических произведениях верят в вещие сны. Вместе с добром, как говорилось выше, сон предвещает и о зле. Добро и зло всегда ходят вместе. Поэтому сны нужно «правильно интерпретировать, как объяснишь сон, так он и сбудется», - говорили с древних времен. Так, сон Сейтек предвещает рождение его сына - ещё одного необычного героя. Когда у матери начались схватки, в эпосе описывается: «будто сейчас она умрет, холодная смерть стоит перед глазами, сильными были потуги» [2.С. 314]. В родах участвуют шестьдесят молодух, сорок старух. Когда родился ребенок, среди старушек и молодых женщин случился переполох, кто-то даже перепугался: «во лбу месяц, на голове солнце, опустился прямо на стопы, на спине с ладонь черная родинка, голос басом издает, грива на спине лоснится, что за диво, а не ребенок», - удивлялись все они. И так, некоторые из удивленных увиденных старух собрались духом, и стальным лезвием отрезали пуповину ребенку и запеленали его. Смотрят и диву даются, какой-то странный он: светлый очень, глаза синееет. В эпосе: Грудью черный, внешне синий, непонятный какой-то, мощь другая, ярость злая, черные глаза его горят, храбрый смельчак родился, смелый герой кыргызского народа. Когда уже родился Кенен, прошла молва среди народа о признаках, что он будет исключительным необычным героем. В эпопее жизнь приходит Кенену с особым признаком. Здесь, жизненный путь будущего героя, его жизнь - в руках народа. А свобода и благополучие народа на плечах его героев, такова философская мысль эпоса. В эпосе Кенен родился «держа в правой

руке черную кровь, в левой руке – золото». Затем это интерпретируется следующим образом: «Черная кровь в кулаке означает, что, если выходит сильный враг, то он кровью оплатит; а то, что в руках у него золото – богатства мира также покорны ему» [2. С. 314]. Герой рожден, чтобы стоять за народ, также бесспорно, что народ тоже ответствен за него, народ должен был беречь его. Поэтому, рядом с ним всегда должны были сопровождать его советники, умная красивая жена, верные друзья, и даже преданные животные как его кони-тулпары, собака-кумайык, соколы (ак шумкары), оружия, и вся одежда должна была быть готова. Кенен герой, огромного телосложения, смел. В эпосе: «Едок Кенен, в шесть лет не ходил, в девять лет нет жизни сытной». Он не различал польза и вред, добро и зло, вырос, не зная, что такое выгода [3.С. 947]. После того, как Сайкал рассказала о том, что в местности Айтүбү народа Айтумуш, кыргызские воины, отправившиеся освобождать народ от бремени тягот, схватившись с семью великанами, на чертовом озере, на горе Шабырын попали в осаду, Кенен начинает готовиться к походу. Вернувшись в орду, ищет подходящую ему одежду, и скакуна. В одежду не влезает, конь не поднимает. Так как Кенен «великаном был, которого не может поднять конь» [3.С. 315]. Тогда откуда ни возьмись, нашли коня богатырского Керкула. Он отправляется на нем на врага. Отправляется в путь: «Все увидевшие удивлялись... ни Кенен видится им, а сам Кошой» [3. 950], - говорится в эпосе. Затем, Кенен встретиться с теми, которые остались во вражеском окружении. Они знакомят его с рыцарской миссией, показывают путь джигита, рассказывают о добре и зле. А война ему покажет, как жизнь сражается со смертью. В первых боях Кенена с врагами он запоминается с тем, что не использует оружия. В эпосе описывается: «вырвал с корнем он дерево-чынару, и положил его на коня» [3. С. 953]. Он воюет с врагом, вырвав большое дерево-чынар с корнем, и им машут как веткой. Чынар для него как веточка. Противники очень удивились, и уже ни на что не надеялись.

О Кенене дедушка Бакай Семетею сказал так: «Твой отец Манас говорил: “от моего потомка будет рожден внук, необыкновенный воин..., не разделяя на своего и чужого, выскочит смерть Сарык, убивая жизнь» [2. С. 951]. Оказалось, что эта «смерть сарык – Кенен». Теперь, когда об его подвигах стало известно всем, и многие благодарны ему. Он будет защищать народ и служить ему. Кенен, когда вступил на тропу войны, еще не достиг своего совершеннолетия. Но его совершенный подвиг заставил говорить о его врожденном героизме, о том, что он потомок великого героя, что и последующее поколения новых возрождают героев.

Кенен, сражаясь на Западе с непобедимыми, волшебными великанами, убил необычного самого могущественного волшебника великана Жуйруна, прожившего восемь тысяч лет, шамшаром Алманбета. У него “голова была змеиная, с человеческим телом» [3. С. 977]. В эпосе этот великан Жуйрун говорит: «с многих-многих героев и батыров голова летела с плеч. Не зная, что умру, потерял волшебный шамшар. Потом бегал от страха сюда. Создал религии, кумиров для многих народов. На востоке скольким ребятам показал свое ремесло. Пригласил тех, кто хочет обучиться ремеслу». Обучил сына Азизкана героя Алмамбета. В эпосе говорится, что Алмамбет обучался в школе драконов. В эпизоде о его биографии говорится: “пришли шестьсот ребят одновременно, слабые погибли; когда осталось шестьдесят, только шесть из них научились ремеслу. Если бы Алмамбет не забрал шамшар...», - говорит ужасный великан. Конец жизни – смерть. Великана Жуйруна со «змеиной головой, человеческим телом» убил Кененим. Эпическое произведение провозглашает идею о том, что конец всего живого на земле – это исчезновение, или конец жизни – это смерть. Осталась у кыргызов поговорка: «смерть всегда в почете».

Кенен, который пошел на ратную битву с великаном, прожившим восемьсот лет, показал свою безграничную смелость и отвагу, уничтожив врага, установив народам мирную и счастливую жизнь. Жуйрун великан имел одно свойство, он понимал язык многих существ. Красавица Чыныке советует Кенену, чтобы если он убьет Жуйруна, то следует вырвать и съесть его язык, и начнешь понимать много языков. Кенен запомнил ее слова, когда убил великана Жуйруна, он вырвал и съел его язык. После этого он стал понимать, ему все время слышалось, как говорят «песок, пересыпающийся с гор, выглядывающая из-под земли трава, которые разговаривают на своем языке» [3. С. 978]. Другими словами, он стал понимать язык всего живого вокруг, язык травы, язык птиц. Свойство Кенена понимать много языков описывается в эпосе. Кенен различает лечебные травы, разбирается в знахарстве, вылечивает раненого сына. А также, еще одна особенность – он был провидец. Взяв новорожденных внуков к себе на колени, посмотрев на них: «Посмотрел на слева лежащего мальчика, затем сзади девяносто четыре, потрогал – обжигает руку, как пламя горит в костре, не умрет ли этот сын от яда? Что делать, видно такой у него рок», – говорит он. Посмотрел на право, на лежащего справа мальчика и увидел признаки: внимательно взгляделся, этот сын в двадцать пять умрет от пули [3. С. 1361], - так предсказал его судьбу. Провидец герой Кенен, увидев судьбу двух внуков, заснул. Сам дал имена своим внукам, послал гонцов во все стороны. Несмотря на то, что сын его погиб рано, берет себя в руки, и заботится об оставшихся после него двух близнецах. В будущем после того как убедился в том, что они смогут защищать народ, взял тело внука Асылбача, повез на коне в сторону Муз-тоо (Ледяную гору), и исчез с лица земли.

Итак, в обеих сюжетах сны, прежде всего, связаны с теми персонажами, которые играют важную роль в эпических событиях. Место снов, как в первой, так в третьей и четвертой части «Манаса», определено в песенной структуре: оно занимает либо начало эпоса, либо её конец.

Такие эпические герои как Кенен и народно-поэтические образы о них, создаются чаянием, по желанию народа. Живя среди народа, они приобретают жизненный опыт: переживает и начинает различать добро и зло, белое и черное, жизнь и смерть. Зная, что перед человеком всегда стоит и ждет смерть, жизнь висит на волоске, рискует своей жизнью за справедливость, народ. Они знали, что часто происходит смерть, войны забирают много жизней. «Смерть приходит внезапно» [4], [8].

Смерть должна происходить своим чередом. Это закон и для положительных, и для отрицательных героев. Вот только, в эпосе герои борются за счастье народа, принося смерть злым и жестоким силам, врагам, великанам. Миссия эпических героев, по традиционным представлениям, – уничтожение зла, установление справедливости, свободы.

Смерть и жизнь в эпосе рассматриваются в контексте сакральной символической обратимости, где смерть и жизнь обладают равными правами, но служат различными проявлениями онтологической реальности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Убукеев М.А. «Манас» - эпическая культура кыргызов: опыт художественно-научного, культурологического осмысления эпоса/ М.А. Убукеев. Бишкек, 1998.
2. Сейтек / по варианту С. Каралаева. – Ф., 1990. - 352 с.
3. «Манас» / сказитель Жусуп Мамай. Исторический эпос кыргызского народа. КНР : издательство Шинжиан, 2012.
4. Юдахин К.К. Тысяча кыргызских пословиц и поговорок/ Юдахин К.К. –Бишкек, 2000. - 116 с.
5. Семетей // Саякбай Каралаевдин варианты боюнча. I китеп. - Б.: Турар, 2013. - 1432 с.
6. “Манас”: Энциклопедия Саякбая. - Б., 2016. – 1260 с.
7. Богданова М.И. Об особенностях киргизского героического эпоса "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас". - М., Изд-во АН СССР, 1961. -197-234 с.
8. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас". - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - 85-196 с.
9. Аuezov M. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос Манас. Из-во академии наук СССР. М.1961. - 21-26 с.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ubukeev M.A. “Manas” is an epic culture of the Kyrgyz people: the experience of artistic, scientific, cultural understanding of the epic/ M.A. Ubukeev. Bishkek, 1998. [in Russian]
2. Seytek / option S. Karalaeva. - F.: Adabiyat, 1990. - 352 p. [in Kyrgyz]
3. “Manas” narrator: Zhusup Mamai. The historical epic of the Kyrgyz people. PRC: Shinzhiak Publishing House, 2012. [in Kyrgyz]
4. Yudahin K.K. Thousands of Kyrgyz proverbs and sayings. –Bishkek, 2000. - 116 p. [in Russian]
5. Semetey / Sayakbai Karalaevdin variants of boyunch. I kitep. - B.: Turar, 2013. - 1432 p.
6. “Manas”: Sayakbaya Encyclopedia. - B.: Print Express, 2016, p. 1260. [in Kyrgyz]
7. Bogdanova M.I. On the peculiarities of the Kyrgyz heroic epic "Manas" // Kyrgyz heroic epic "Manas". M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 196G, p. 197-234 s. [in Russian]
8. Zhirmunsky V.M. Introduction to the study of the epic "Manas" // Kyrgyz heroic epic "Manas". M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961, p. 85-196. [in Russian]
9. Auezov M. Kirghiz folk heroic poem "Manas" // Kyrgyz heroic epic Manas. Because of the Academy of Sciences of the USSR. M.1961. Page 21-26. [in Russian]
11. Frank S.L. Dukhovnyye osnovy obshchestva [Spiritual Foundations of Society] / S.L. Frank – M: Republic, 1992. – 511 p. [in Russian]